

ДЖОАН ДРУЭТТ

ОСТРОВ
ЗАТЕРЯННЫХ
ДУШ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
БЕЛГОРОД СЕМЕЙНОГО
2016 ДОСУГА

*Посвящается Роберте Мак-Интайр,
чья поддержка в самом начале
пришлась как нельзя более своевременно*

Нечасто журналистам предоставляется возможность описать более яркий пример преодоления всех опасностей кораблекрушения и последующего благополучного избавления после двух лет лишений на необитаемом острове, чем тот, о котором речь пойдет ниже.

Southland News, 29 июля 1865 г.

Человек, переживший кораблекрушение, содрогается при виде даже спокойного моря.

Овидий

Острова Окленд

Карта любезно предоставлена сотрудником
Департамента охраны природы Новой Зеландии
Крисом Эдкинсом

ГЛАВА 1

НАДЕЖНОЕ СУДНО

Шел октябрь 1863 года. В Сиднее (Австралия) это ранняя весна. Ярко светило солнце, но промозглый ветер, дувший в сторону гавани, разбивал отражавшиеся на широкой водной глади блики на множество мелких осколков. Волны хлестали острова и дальние скалистые берега, поднимая в воздух стаи морских птиц, которые с тревожным гомоном кружились над высокими мачтами кораблей. Пересекая гавань от станции на Круглой пристани, пыхтели паромы, котлы которых топились дровами, и их гудки заглушали грохот пробегавших неподалеку конных трамваев.

Из пришвартованных к причалам бригов, кечей и шхун¹ выгружали сахарный тростник, кофе, тропические фрукты и уголь, а грузили руду и технику местного производства. Огибая груды мешков и штабеля бочек, лавируя между низко согнувшимися под тяжелой ношей грузчиками, торопливо снующими сквозь распахнутые двери складов под двускатными крышами, в портовой суете что-то искали двое. Свистевший в проходах холодный ветер, приносящий запах копоти, пыли и эвкалиптов, вынуждал обоих мужчин поднимать воротники и поглубже засовывать озябшие руки в карманы. Тем не менее они упрямо пробирались от причала к причалу, оценивающе оглядывая одно за другим пришвартованные суда.

---

¹ Бриг, кеч, шхуна — типы парусных судов. (Здесь и далее примеч. пер.)

Несмотря на обветренные, как и у моряков, лица, сразу было ясно, что эти двое прибыли сюда из центральной части города. Эти ухоженные, одетые по-городскому мужчины в своих хороших шляпах и подобающим образом начищенных ботинках привлекали к себе внимание. Оба были примерно одного возраста — немного за тридцать; черная окладистая борода более высокого уже была припорошена инеем седины, а горбоносое лицо его худощавого спутника, обрамленное пышными каштановыми бакенбардами, украшали аккуратно подстриженные усы. Явный акцент второго выдавал в нем француза, в то время как выговор высокого свидетельствовал о том, что он является выходцем с севера Англии. Впрочем, говорили они мало, поскольку заранее все обсудили и точно знали, что им нужно.

Повсюду: на стенах, дверях, бушпритах и мачтах — висели объявления, сообщающие о дате отплытия, найме людей или продаже того или иного судна. Именно последние привлекали пристальное внимание этих мужчин, но пока безрезультатно, так как найти судно, которое отвечало бы их требованиям, было весьма непросто. Они искали шхуну не очень большую, чтобы ею могли управлять четверо моряков, но при этом прочную и добротную сработанную. К тому же она должна быть недорогой, поскольку для амбициозного предприятия, которое они задумали, средств у них было в обрез, но ее надежность имела решающее значение. Они намеревались пройти на ней тысячу пятьсот миль в направлении зюйд-зюйд-ост от берегов Австралии и достигнуть холодных вод Антарктики, где ревущие ветры пятидесятой параллели поднимают гигантские волны выше самых высоких мачт, прежде чем обрушить их на обледенелую палубу. Там им нужно сменить курс, пройти шестьсот миль на северо-восток и стать на якорь в бушующих водах, которые омывают остров Кэмпбелл. Поэтому неудивительно, что они были крайне скрупулезны в выборе корабля

и старались найти такой, который соответствовал бы их планам.

Вдруг седобородый заметил судно, вполне подходящее для их путешествия. Остановившись, он обратил на него внимание своего приятеля, и они, ускорив шаг, направились к судну. Вместе они внимательно изучили объявление, прибитое к столбу, к которому был пришвартован корабль. Из него они узнали название судна — «Графтон». Отойдя немного назад, они принялись осматривать его, оценивая конструкцию и оснастку, наблюдая за тем, как короткий и широкий корпус тяжело качается на зеркальной поверхности гавани. Это была двухмачтовая марсельная шхуна, оснащенная одним прямым парусом, расположенным наверху фок-мачты, и остальными косыми. Это обеспечивало легкость в ее управлении силами малочисленной команды, что отвечало первому требованию в их перечне. Однако особое расположение мужчин вызвал добротный вид шхуны, свидетельствующий о ее надежности в морском путешествии.

Они снова обратились к объявлению. Из него следовало, что «Графтон» использовали для перевозки угля из Ньюкасла, расположенного в Новом Южном Уэльсе, в Сидней и что его трюм способен вместить около семидесяти пяти тонн груза. То, что судно транспортировало уголь, им понравилось. В лучших традициях «Индевора» капитана Джеймса Кука, который также был углевозом, эта шхуна была построена для доставки тяжелых грузов в условиях штормов, столь частых в бурных морях. Несмотря на то что шхуна «Графтон» стоила несколько дороже, чем им бы того хотелось, она идеально подходила для той авантюры, которую замыслили эти двое. Развернувшись, они отправились на поиски агента.

Ни один из них не был новичком в рискованных предприятиях. Француз, Франсуа Райналь, предыдущие одиннадцать лет

провел в золотоносных районах Нового Южного Уэльса и Виктории¹ в качестве старателя, пока пошатнувшееся здоровье не вынудило его бросить это занятие. Сначала его свалили тяжелые приступы двух болезней, свирепствовавших на золотых приисках Австралии, — дизентерии и офтальмии. И если с дизентерией он справился с помощью стакана бренди, смешанного с перцем, то офтальмия вызвала настолько мучительную и пугающую слепоту в течение девяти дней, что его приятель убрал оружие подальше от него, боясь, как бы Райналь не совершил самоубийства. Затем он стал жертвой несчастного случая, едва не стоившего ему жизни, — на него обрушились своды штольни. Его кости остались целы, но многочисленные повреждения внутренних органов заставили Райналя в феврале приехать в Сидней и обратиться за помощью к одному из ста восемнадцати медиков, которые тогда практиковали там. Теперь, спустя восемь месяцев, врач засвидетельствовал его излечение, но, желая снова броситься в погоню за удачей, Франсуа Райналь тем не менее решил больше не возвращаться на золотые прииски.

Тот, что был повыше, Томас Масгрейв, подвизался капитаном торгового судна и пользовался репутацией надежного шкипера и толкового штурмана. Пятнадцать лет тому назад, будучи в шестнадцатилетнем возрасте, он начал плавать на курсирующих между Ливерпулем и Австралией судах. Быстро продвигаясь по службе, Масгрейв вскоре занял довольно высокий пост и в 1857 году принял решение осесть в Сиднее. Скорее всего, это объяснялось тем, что его дядя успешно вел торговлю тканями в этом же городе. Подыскав дом, он послал за женой и детьми, после чего некоторое время водил суда по маршруту Австралия — Новая Зеландия. Но потом удача отвернулась от него и он лишился работы. Как и Рай-

---

¹ Новый Южный Уэльс, Виктория — австралийские штаты.

наль, он был готов снова попытать счастья и разбогатеть. Вместе они пустились в рискованное предприятие, идею которого им предложили два господина, которых они оба, как им казалось, достаточно хорошо знали.

Одним из советчиков был дядя Масгрейва, другой — его партнер по торговому бизнесу, француз по имени Шарль Сарпи, давний знакомый Райналя. По словам этих двух торговцев тканями, на далеком острове Кэмпбелл имеются богатые залежи серебросодержащей руды олова. Правда, местоположение залежей пока еще не определено, но они там точно есть, и их можно найти. Торговцы настойчиво уговаривали Масгрейва и Райналя, и их доводы так пьянили, что лишь много времени спустя Франсуа, который последний десяток лет работал золотоискателем, а перед тем механиком, осознал, что ему следовало бы проявить больше благоразумия и обдумать их предложение намного тщательнее, прежде чем пускаться в эту авантюру.

Возможно, на острове Кэмпбелл, состоящем по большей части из вулканических скал, иссеченных и изломанных ледниками, действительно имелись серебросодержащие месторождения руды олова, но, даже если бы членам экспедиции удалось обнаружить эту руду, им пришлось бы иметь дело не только с труднодоступностью острова, но и с круглогодично неблагоприятным климатом. И Райналь, и капитан Масгрейв не могли не знать об имеющих дурную славу ветрах, которые никогда не прекращались и свирепо буйствовали над гористым островом. Мало того, что далеко не полные карты изобиловали предупреждениями об опасностях приближения к острову Кэмпбелл на расстояние, позволяющее стать на якорь, в Сиднее было множество старых охотников за тюленями, не понаслышке знавших, что такое Субантарктика. Тем не менее, как в последующие страшные месяцы с печалью повторял Райналь, оба они были очарованы этим магическим термином — «серебросодержащий».

Из-за этого дурманящего слова они согласились взяться за осуществление плана, от которого более трезвомыслящие люди отказались бы без колебаний.

Они же незамедлительно приступили к подготовке «Графтона» к предстоящему плаванию. Первым делом необходимо было подготовить шхуну к жутким морям, которые ей придется бороздить, и добавить балласта, чтобы ее корпус стоял в воде настолько надежно, насколько это было возможно. Как выяснил Масгрейв, шхуна уже была отягощена примерно пятнадцатью тоннами старого железа, чтобы обеспечить ее остойчивость при пустом трюме во время обратных рейсов в Ньюкасл за очередной партией угля. По его мнению, этого веса было не вполне достаточно, но добавить железа они не могли, так как поверх него была настелена сплошная несъемная палуба, служившая полом трюма. Масгрейв приобрел десять тонн блоков песчаника, но портовым грузчикам пришлось их разместить поверх пола, где они были не настолько устойчивы, чтобы удовлетворить капитана судна.

Ничего с этим поделать Масгрейв не мог, и он сосредоточился на обеспечении провианта для первой разведывательной экспедиции, продолжительность которой, по их расчетам, должна была составить не более четырех месяцев. В трюме были установлены два десятка бочек, наполненных пресной водой; затем он приобрел и загрузил около трехсот фунтов¹ морских галет (больших круглых сухих лепешек из муки и воды, запеченных до такой твердости, что о них можно было легко поломать зубы), две бочки соленой свинины, около двадцати галлонов² черной патоки, бочонок соленой говядины, двести фунтов пшеничной муки, несколько маленьких коробок с сахаром и маслом, мешок су-

---

¹ Фунт — мера веса, равная 0,45 кг.

² Галлон — английский галлон равен 4,54 л.

шеной фасоли и гороха, десять фунтов чаю и кофе в ящиках и пару бочек картофеля. Также были погружены запасная парусина, канаты и рангоутное дерево на случай текущего ремонта, если таковой потребуется.

Как раз на этом этапе у партнеров предприятия закончились средства. Когда Масгрейв отправился к торговцам мануфактурой, чтобы попросить денег на покупку якорной цепи, его дядя и Сарпи принялись сетовать на ее дороговизну, а затем неохотно выделили некоторую сумму. Однако ее хватило лишь на шестьдесят фатомов¹ — по тридцать фатомов на каждый из двух якорей — не очень хорошей цепи. Ставить шхуну на якорь вблизи от скалистого берега было чревато бедой, поскольку ветер и прилив могут потащить судно, вырвав якорь из грунта. Тем не менее Масгрейв не стал жаловаться, понимая, что его могут уволить и взять на это место другого. К тому же он знал, что «Графтон» благополучно прошел досмотр портовой инспекции с *пятнадцатью* фатомами цепи — всего лишь девяноста футами! — на якоре правого борта.

И они с Райналем, вместо того чтобы отказаться от авантюры, которая становилась все более сомнительной, приступили к поиску и найму двоих моряков и повара. Это не вызвало затруднений благодаря нескончаемому притоку в город разочаровавшихся золотоискателей, среди которых было немало матросов. Первым пополнил список членов команды двадцатилетний англичанин Джордж Харрис, дружелюбный малый с богатым опытом мореплавания. Затем они нашли молчаливого норвежца двадцати восьми лет с шотландской фамилией — Александра Макларена, который немногословно пояснил, что обычно его зовут Аликом, и предоставил свой прекрасный послужной список — к слову, официально подтвержденный.

---

¹ Фатом, морская сажень — английская единица длины, равная 182 см.

После того как Алик подписал договор о найме на судно, в распоряжении Масгрейва стало достаточно людей для управления парусами шхуны и они с Райналем, как и предполагалось, могли нести вахтенное дежурство. Впрочем, у них пока еще не было повара, и к этой примечательной компании был добавлен пятый. Выбранный ими новобранец оказался португальцем с Азорских островов, заявивший, что его зовут Браун. Однако Масгрейву понадобилось совсем немного времени, дабы выяснить, что слова нанятого им парня не соответствуют действительности и что его настоящее имя — Энри Форжес. Оказалось, что азорец сбежал с предыдущего своего корабля, но Масгрейва это совершенно не беспокоило. Ему было не привыкать к подчиненным с фальшивыми именами, и в его планы не входило посещение мест, где у Форжеса мог возникнуть соблазн бежать.

Больше внимания заслуживала в высшей степени отталкивающая внешность их нового повара, чей нос был как будто сожран чем-то вроде проказы. Заинтересовавшись этим, Райналь стал задавать ему множество вопросов о его прошлом, на которые азорец охотно отвечал. Он рассказал, что впервые попал на корабль десять лет назад в возрасте тринадцати лет. Капитан американского китобойного судна посетил его остров, чтобы нанять юнгу, и он не упустил возможности повидать мир. В то время Форжес обладал достаточно привлекательной внешностью, но в одном из последующих плаваний он заболел обезображивающим недугом. Другие члены экипажа испытывали такое отвращение к его уродству и настолько боялись заразиться сами, что он, по его словам, упросил капитана высадить его на берег на островах Самоа. К счастью, туземцы выходили его и он выздоровел. Больше того, поведал он далее, они довольно сильно привязались к нему и были так расстроены, когда он поплыл к проходящему судну, что стали его пре-

следовать с топорами, дубинами и копьями. Если бы с корабля не поспешили спустить шлюпку, туземцы могли бы убить его, но ему все-таки удалось удрать под яростный рев разочарованных аборигенов. «Весьма занятная история», — охотно признал изрядно подивившийся Райналь.

Как только Форжес поставил крестик на судовых документах, экипаж был укомплектован — пять человек четырех национальностей, говорящие на четырех разных языках и с очень разными характерами. Замкнутость норвежца Алика, несомненно очень опытного моряка, порой граничила с грубостью, в то время как умелый и ловкий англичанин Джордж оказался намного более общительным, а Энри, повар с Азорских островов, был попросту болтлив. Капитан Масгрейв уже проявлял признаки присущей ему меланхолии, однако именно жизнерадостного по натуре Франсуа Райналя неожиданно обуял страх, побудивший его принять кое-какие меры запоздалой предосторожности.

Первым делом он отправился к дяде Масгрейва и Сарпи и попросил их торжественно пообещать, что, если шхуна не вернется в течение четырех месяцев после отплытия, они отправят за ними поисковую группу. После того как они отказались сделать это, сославшись на слишком большие затраты, он потребовал сообщить об исчезнувшей шхуне властям Нового Южного Уэльса. Правительство, несомненно, вышлет военный корабль из приписанных к базе или по меньшей мере разошлет сообщения всем судам, находящимся в том районе. Райналь настаивал на подобной гарантии, пытаясь объяснить ее благоразумность. Пять человек собирались отправиться в одно из самых опасных морей на земном шаре, карты которого к тому же были приблизительными и неопределенными. Как утверждал Райналь, не было смысла скрывать от самих себя тот факт, что они подвергнутся целому ряду

опасностей, главным среди которых является риск кораблекрушения.

Вторым его решением было взять с собой ружье-двустволку, сослужившее ему хорошую службу на австралийских приисках, пару фунтов пороху к ней, дюжину фунтов свинца для изготовления пуль и капсюли — и оно, как оказалось позже, имело критическое значение. Но в тот момент это было всего лишь невольным порывом, поскольку изначально Райналь намеревался оставить ружье в Сиднее. Уже уходя со съемной квартиры, он вдруг неожиданно подумал о том, что у него на острове, наверное, будет возможность развлечься охотой на уток.

«Тогда я не мог себе представить, — писал он впоследствии, — насколько полезным окажется это оружие и боеприпасы к нему в дальнейшем». В те долгие мрачные дни, что ожидали их впереди, это ружье помогло им всем выжить.